

МОЯ КОШКА

С АЛЬФЫ ЦЕНТАВРА

Макс Ведов

18+

Макс Ведов

Моя кошка с Альфы Центавра

<https://litres.ru/73767191>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глеб — обычный сварщик из спального района. Развод, работа, пустая квартира. Никого не ждёт, ни на что не надеется. Всё меняется, когда у подъезда появляется кошка с фиолетовыми глазами.

Она не мяукает, не просит еду, не лезет на руки. Она наблюдает. Она указывает на протекающую трубу. Будит ночью, когда пахнет газом. Смотрит на звёзды так, будто помнит каждую.

Глеб начинает догадываться: это не просто животное. Она прилетела с Альфы Центавра. Ждала его тридцать лет. И выбрала — остаться.

Но за ней охотятся. Те, кто хочет забрать её память, силу, свет. Глебу предстоит сделать выбор: отдать кошку или рискнуть всем, что у него есть.

Это не история о спасении мира. Это история о том, как одинокий человек нашёл друга. Просто друг оказался с другой звезды. Тёплая, грустная, смешная и очень человеческая фантастика. Для тех, кто верит, что чудеса случаются в самой обычной жизни.

Макс Ведов

Моя кошка с

Альфы Центавра

Глава 1. Нашлась

Я никогда не любил котов.

Ну, то есть как – не любил. Я их не ненавидел. Просто они меня никогда не трогали. Собака – она понятная: радуется, когда ты приходишь, лижет руки, хочет гулять, смотрит преданно. А коты – они сами по себе. Им на тебя наплевать, им нужна еда и тепло, а остальное – по настроению. Я человек простой, мне нужна отдача. Чтобы я пришёл домой, а меня ждали. Чтобы не одному.

Поэтому котов я не заводил.

Жена – бывшая уже, Наташка – всё хотела. То британца, то сфинкса этого, лысого. Я говорил: нафиг, шерсть везде, диван драть будут. Она обижалась. Может, и к разводу это привело? Да нет, конечно. Не из-за кота. Из-за того, что мы разные. Она хотела – я не хотел. И так во всём.

После развода я остался в однокомнатной квартире. Нормальная хрущёвка, спальный район, до завода двадцать минут на автобусе. Жил один, никого не заводил. Работал, до-

мой, ужин, телевизор, спать. Иногда с мужиками пиво в гараже, иногда на рыбалку летом. Нормальная жизнь. Не скажу, что счастливый, но и не несчастный. Просто – никакой. Это было до кошки.

Она появилась в среду.

Я запомнил, потому что среда – день тяжёлый. После смены ноги гудят, спина ноет, ещё и дождь этот осенний – мелкий, противный, липкий. Он лез за воротник, пропитывал куртку, стекал по шее. Я шёл от остановки, воротник поднял, кепка промокла насквозь, настроение – хуже некуда. Думал: зайду в магазин, куплю пельменей, пива, включу что-нибудь и забыю на всё.

И тут вижу – у подъезда сидит.

Обычно они шарахаются, когда человек идёт. А эта сидит, смотрит. Худая, мокрая, вся сжалась в комок, шерсть сосульками висит. Но глаза открыты. Смотрят.

Я прошёл мимо. Даже не задержался.

У меня принцип: не кормить бездомных, а то разведутся, весь подъезд загадят. Соседка с первого этажа, тётя Галя, всё подкармливала, так у них там целая колония завелась, и лестница провоняла, и блохи пошли. Не хватало ещё.

Я зашёл в подъезд. Лампочка над входом моргала – или контакт отошёл, или сдохла уже. Свет то включался, то выключался, и в этих вспышках стены казались то жёлтыми,

то тёмно-серыми. Пахло кислыми щами из какой-то квартиры, кошачьей мочой из-за мусоропровода и сыростью. Всегда так.

Поднялся на свой второй этаж, открыл дверь. Разделся, бросил кепку на батарею, поставил чайник.

И тут слышу – за дверью что-то.

Скребётся? Скребётся тихонько, еле слышно. Ну, думаю, мыши, что ли? Дом старый, бывает.

Открываю – а она сидит. На пороге. Та самая. Сидит и смотрит.

– Ты как сюда попала?

Она молчит. Ну, естественно.

Я выглянул на лестницу – никого. Дверь в подъезд железная, с домофоном, просто так не войдёшь. Не могла же она за мной зайти? Я бы заметил. Я бы точно заметил такую – она же светилась в темноте этими своими глазами.

– Брысь, – сказал я.

Она не двинулась. Только моргнула. Медленно, как будто понимала каждое слово.

Я закрыл дверь. Сел ужинать. Пельмени сварил, пиво открыл, включил новости. Всё как обычно. Но что-то не так было. Непокойно. Я всё косился на дверь, будто ждал, что она снова появится.

Поел, вымыл посуду, собрался спать. Открываю дверь в прихожую – она опять там. На коврик, свернулась калачиком, спит.

У меня аж сердце ёкнуло.

– Да как ты, блин, залезла?!

Она открыла глаза, посмотрела на меня и закрыла обратно. Спокойно так, будто у неё тут законное место.

Я проверил всё: окно закрыто, балкон закрыт, дверь на замке. Обыскал всю квартиру – ни щелей, ни дырок. Чудеса.

Выгнать её – совесть не позволила. Худая, мокрая, дрожит. Я вздохнул, достал из шкафа старую футболку, постелил в углу. Налил в блюдце молока, поставил. Она даже не понюхала. Спит.

– Ладно, – сказал я. – Ночевать оставайся. А завтра – ищи себе другое место.

Лёг, выключил свет. Долго ворочался, не спалось. Чувствовал, что в квартире кто-то есть, и это чувство было странное. Не как от мыши или таракана. Как от... человека, что ли. Будто я не один.

Под утро я всё-таки провалился в сон. И мне приснилось что-то тяжёлое, липкое – не то чтобы страшное, но тревожное. Что-то, от чего я проснулся с колотящимся сердцем и не мог вспомнить, что именно мне снилось.

А она спала. На моей футболке, свернувшись калачиком, и дышала так тихо, что я не сразу понял – живая ли.

Утром я вышел на кухню и замер.

Она сидела на табуретке. Прямо сидела, как человек, спи-

ной к окну. Шерсть уже высохла, и я впервые увидел её настоящий цвет. Вчера, мокрая, она казалась серой. А сейчас, в утреннем свете, она была... другой. Шерсть отливала фиолетовым – не так, чтобы ярко, но заметно. Как будто кто-то подмешал в серую краску каплю чернил. А глаза – я подумал, что мне показалось. Нет. Фиолетовые. Настоящие, яркие, как два маленьких фонарика.

– Эй, – сказал я.

Она повернула голову. Посмотрела. У меня мурашки побежали по спине. В её взгляде было что-то, чего я не видел у животных. Не любопытство, не голод, не страх. Оценка. Она меня оценивала.

– Ты кто вообще такая? – спросил я. И сам удивился – голос у меня сел, как будто я не с кошкой разговаривал, а с человеком.

Она моргнула. Медленно. По-человечески.

Я подошёл, налил себе кофе. Руки слегка дрожали – то ли после бессонной ночи, то ли от её взгляда. Сел напротив. Она смотрела, как я пью. Не просила, не мяукала. Просто смотрела. И в этом взгляде было что-то такое, отчего мне стало не по себе. Будто она знала обо мне больше, чем я сам.

– Есть хочешь?

Молчание.

Я открыл холодильник. Там у меня были сосиски – дешёвые, но для кошки сойдёт. Порезал на блюдце, поставил на пол.

Она прыгнула с табуретки. Подошла, понюхала. Съела одну, вторую. Аккуратно, не чавкая. Потом подняла голову, посмотрела на меня. И издала какой-то странный звук – короткий, горловой. Я бы сказал – спасибо, если бы кошки так делали.

– Да пожалуйста, – ответил я и сам удивился, что разговариваю с ней.

Допив кофе, я собрался на работу. Она сидела на том же месте и провожала меня глазами. Я остановился у двери, посмотрел на неё.

– Меня Глеб зовут, – сказал почему-то. – Если хочешь оставаться – оставайся. Но никаких сюрпризов, поняла? Не сри где попало и мебель не дери.

Она моргнула.

Я ушёл. Весь день на работе думал о ней. Дурак, да? Взрослый мужик, тридцать шесть лет, а переживает, вернётся кошка или нет. И чего я её оставил? Зачем мне это? Шерсть, корм, ветеринары... Я и за собой-то толком не ухаживаю, а тут живая душа.

Станок гудел, искры летели, мастер орал, что я торможу. А я смотрел на огонь сварки и думал о её глазах. Фиолетовых. Таких не бывает у кошек.

Когда я вернулся домой, первым делом посмотрел на табуретку.

Она сидела там. Как будто и не уходила.

– Ну, привет, – сказал я. – Значит, остаёшься.

В тот вечер я сходил в магазин. Купил нормального кошачьего корма, наполнитель для лотка, миски. Потратился прилично, но почему-то не жалел. Даже странно – я обычно каждую копейку считаю, а тут потратил почти две тысячи на какую-то бездомную кошку, и ни капли не жалко.

Она ела спокойно, без жадности. Потом обошла квартиру – заглянула во все углы, на балконе посидела, под кровать залезла. И в итоге запрыгнула на диван, где я сидел с ноутбуком, свернулась рядом и уснула.

Я смотрел на неё и чувствовал что-то, чего давно не чувствовал. Тепло, что ли. Как будто в пустой квартире кто-то появился. Как будто я теперь не один.

– Как тебя назвать? – спросил я.

Она приоткрыла один глаз, посмотрела и закрыла.

Я перебрал в голове имена. Мурка – слишком просто. Машка – у меня тётю так зовут. Рыжуха – она не рыжая. Вспомнил, какие у неё глаза, когда на солнце. Фиолетовые. Как цветок, который я видел один раз в каком-то фильме.

– Астра, – сказал я. – Будешь Астрой.

Она мурлыкнула – в этот раз точно мурлыкнула. И я понял, что имя ей понравилось.

Так у меня появилась кошка.

Первое время я думал, что она просто бездомная, которая наконец-то нашла дом. Ну, бывает же. Коты выбирают лю-

дей, я слышал такое. Приходят и остаются. Может, она чувствовала, что мне одному тоскливо, и решила меня взять под опеку.

Я кормил её, убирал лоток, чесал за ухом. Она позволяла. Но не лезла обниматься, не терлась о ноги, как обычные кошки. Она была рядом – и всё. Сидела на диване, пока я смотрел телевизор. Спала у меня в ногах. Встречала у двери, когда я приходил с работы. Не бежала сломя голову, а спокойно сидела и смотрела. И в этом взгляде было что-то такое... осмысленное.

Я списывал на то, что просто не привык к кошкам. Может, они все такие.

Но странности начались быстро.

Первое – она не мяукала. Совсем. Ни разу. Обычные кошки орут: «есть хочу», «выпусти», «гладь меня». А эта молчала. Если ей нужно было что-то – она садилась напротив и смотрела. И я почему-то всегда понимал, что ей надо.

Это звучит как бред, я знаю. Но вот пример: сижу я за столом, ем ужин. Она подходит, садится рядом, смотрит на меня. Я думаю: «Что, корма нет?» – иду проверять – пусто. Насыпаю – она ест. Или вечером, спать ложусь, она садится у двери, смотрит. Я думаю: «Гулять хочешь?» – выпускаю, она идёт в коридор, сидит пять минут, возвращается. И так всегда.

Я сперва думал – совпадение. Потом – что я сам себе придумываю. Но раз за разом, раз за разом. Я смотрю на неё и

понимаю, что она хочет. Без слов.

Как-то я сидел на кухне, пил чай, смотрел в телефон. Она запрыгнула на стол, что обычно не делала, и ткнула носом в мою руку. Я поднял голову. Она посмотрела на дверь в кладовку.

– Что там?

Она спрыгнула, подошла к двери, села рядом и опять посмотрела на меня.

Я открыл кладовку. Там у меня старьё всякое лежало, инструмент, лыжи старые. В углу, за ящиками, я увидел, что труба, которая идёт к соседям, потеет. Капли воды на стыке. Если бы я не заметил, через пару дней затопило бы и меня, и соседей снизу.

Я вызвал сантехника на следующий день. Мужик пришёл, посмотрел, сказал: «Повезло тебе, вовремя заметил. Ещё б неделя – и прорвало бы».

Я кивнул, а сам смотрел на Астру. Она сидела на диване и умывалась. Обычная кошка.

Я тогда впервые подумал: «А может, она не простая?»

Но отогнал эту мысль. Сдуру, сказал себе. Привыкаешь к кошке, вот и приписываешь ей человеческие качества. Бывает.

А потом случилось то, что я не забуду никогда.

Я спал крепко, после смены. И вдруг просыпаюсь от то-

го, что кто-то трогает меня по лицу. Мягко так, подушечками лап. Я сначала не понял, спросонья. Отмахнулся. Опять трогает. Я открыл глаза – темно, только свет из окна. Астра стоит у меня на груди и смотрит. Глаза горят в темноте фиолетовым.

– Ты чего? – прохрипел я спросонья. – Иди спать, ну...

Она не уходила. Стояла и смотрела. И тут я почувствовал запах.

Сначала не понял. Подумал – показалось. Но запах был. Сладковатый, тяжёлый. Газ.

Меня будто током ударило.

Я скинул её с себя, вскочил, побежал на кухню, споткнулся в темноте о тапок, чуть не упал. Конфорка на плите была открыта. Не до конца, но газ шёл. Шипел тихонечко, еле слышно.

Руки затряслись. Я перекрыл кран, рванул окно, распахнул настежь. Холодный воздух хлынул в кухню, запах газа стал уходить, но в груди всё колотилось, в ушах шумело. Я стоял у окна, дышал, и меня трясло.

Я же ужинал, грел суп. Неужели не закрыл? Я помнил, что закрыл. Помнил чётко. Но факт – было открыто.

Астра сидела на пороге кухни и смотрела на меня. Спокойно.

Я посмотрел на неё. Она не мяукала, не тёрлась. Просто сидела и смотрела. И я вдруг понял, что она меня разбудила. Она почувствовала газ, поняла, что я не проснусь, и пришла.

Она меня спасла.

У меня подкосились ноги. Я сел прямо на пол, на холодный линолеум, и усталился на неё. В голове было пусто. Только одна мысль: если бы она не разбудила... если бы она не...

Я закрыл лицо руками. Меня затрясло уже не от холода, а от того, что я представил. Я мог просто не проснуться. И всё.

– Астра, – сказал я. Голос сел, я еле выдавил. – Ты... ты меня спасла.

Она подошла. Медленно, спокойно. Потёрлась о мою ногу. Впервые за всё время. Я протянул руку, погладил её. Она замурлыкала. Громко, на всю кухню. И я сидел на полу, гладил её, и у меня текли слёзы. Взрослый мужик, тридцать шесть лет, сидит на кухне в трусах и плачет над кошкой.

Я не помню, сколько мы так просидели. Минуту, пять, десять. Потом я встал, закрыл окно, поставил чайник. Сделал себе чай, покрепче, с сахаром. Сел за стол. Астра запрыгнула ко мне на колени, свернулась, и я гладил её, пил чай и всё никак не мог успокоиться.

В ту ночь я долго не спал. Лежал, смотрел в потолок, думал. Она не простая. Я уже знал это точно. Обычные кошки не будят хозяев, когда газом пахнет. Обычные кошки не смотрят так, как она. Не понимают без слов.

Я повернулся на бок. Астра спала у меня в ногах, свернувшись клубочком. Я смотрел на неё и чувствовал что-то огромное, что не мог назвать. Благодарность? Страх? Лю-

бовь? Не знаю. Я просто знал, что теперь она со мной, и что я ни за что её не отдам.

– Спасибо, – сказал я шёпотом в темноту.

Она не шевельнулась. Но мне показалось, что она меня слышала.

После того случая я начал приглядываться.

Я замечал, как она сидит у окна и смотрит на улицу. Не просто так, как кошки смотрят на птичек. А долго, внимательно, как будто наблюдает. Изучает. Иногда она замирала на подоконнике и могла просидеть так час, не двигаясь, только глаза бегают.

Иногда я ловил на себе её взгляд и чувствовал себя неловко. Будто она меня оценивает. Или ждёт чего-то.

Я пробовал с ней разговаривать. Нормально так, по-человечески.

– Ты кто, Астра?

Она смотрела.

– Ты понимаешь, что я говорю?

Она моргнула.

– Если понимаешь – подай лапу.

Она не подала. Просто продолжала смотреть, и мне показалось – или она насмехается надо мной?

– Ладно, – сказал я. – Дурью маюсь. Кошка она и есть кошка.

Но где-то внутри я уже знал, что это не так.

А потом был вечер, который перевернул всё.

Я сидел на диване, листал каналы. Наткнулся на передачу про космос. Ну, знаешь, такие программы – показывают звёзды, планеты, рассказывают про галактики. Я не особо интересуюсь, просто остановился, потому что картинка красивая. Там показывали туманности, разноцветные облака, которые кружились в пустоте. Астра сидела на спинке дивана и смотрела на экран. Я не придал значения.

Потом показали Альфу Центавра.

Диктор сказал: «Ближайшая к нам звезда. На самом деле их две, и одна похожа на наше Солнце. Учёные думают, что там могут быть планеты, пригодные для жизни».

И вдруг Астра замерла.

Я заметил это краем глаза – она вся подобралась, уши вперёд, глаза широкие. Смотрела на эту звезду – маленькую точку на экране – и не отрывалась. В её взгляде было что-то такое, отчего у меня мурашки побежали по спине.

Я замер сам. Не двигался, не дышал.

Диктор что-то говорил про световые годы, про то, как это далеко. А Астра сидела и смотрела. И в её глазах... мне показалось, или там действительно стояли слёзы?

– Ты чего? – спросил я тихо. Голос дрогнул.

Она не обернулась.

Я протянул руку, погладил её. Она вздрогнула, как будто очнулась, и посмотрела на меня. И в этот момент я что-то почувствовал.

Не голос или слова. Просто чувство. Огромное, вселенское одиночество. Так бывает, когда стоишь ночью в поле и смотришь на звёзды, и вдруг понимаешь, какой ты маленький и как далеко всё. И становится страшно и тоскливо одновременно. Только в десять раз сильнее. В сто.

Это чувство накрыло меня с головой. Я вдруг ощутил, что она – одна. Совсем одна. Тысячи световых лет от дома, среди чужих, среди непонятных существ, в теле кошки. И она ждала. Ждала так долго, что уже почти перестала надеяться.

У меня перехватило горло. На глаза навернулись слёзы от жалости. Такой острой, что заболело в груди.

– Астра, – сказал я, и голос дрогнул. – Ты... ты оттуда?

Она смотрела на меня. Долго. А потом отвернулась, прыгнула с дивана и ушла на кухню.

Я остался сидеть. Смотрел на экран, где всё ещё показывали звёзды, и ничего не видел. В голове было пусто. Только одно чувство – её одиночество. Оно всё ещё было во мне, как чужой голос, который поселился в голове.

Я выключил телевизор. Сходил на кухню. Астра сидела на табуретке, смотрела в окно. Я сел рядом. Мы молчали.

– Если это правда, – сказал я наконец. – Если ты правда оттуда... я не знаю, что мне делать. Но ты здесь. Со мной. И я... я рад, что ты пришла.

Она не обернулась. Но мне показалось, что она чуть-чуть придвинулась ко мне. Или я сам придвинулся.

В ту ночь я опять не спал.

Лежал, смотрел в потолок, перебирал в голове всё, что случилось. Труба, газ, звезда. Её глаза. Её взгляд. Я уже не мог делать вид, что ничего не происходит. Она была не просто кошкой. И я должен был это признать.

– Астра, – позвал я шёпотом в темноту.

Тишина. Я думал, она спит.

– Ты с Альфы Центавра?

Секунда. Другая.

И вдруг я услышал.

Не ушами. Внутри себя. Как будто кто-то тихо, очень тихо прошептал прямо в мозг. Одно слово.

«Да».

Я сел на кровати. Сердце колотилось так, что, казалось, разорвёт грудную клетку. В темноте я видел только её силуэт на подоконнике. Она сидела, повернувшись к окну, и лунный свет падал на её шерсть, делая её серебряной с фиолетовым отливом.

– Ты... ты можешь говорить? – спросил я. Голос был чужим, каким-то детским, испуганным.

Тишина. Я уже подумал, что мне показалось. Что я свихнулся на почве одиночества. Но потом снова пришло это

чувство. Целый комок ощущений. Одобрение. Терпение. И – ожидание. Она ждала, когда я успокоюсь.

Я глубоко вздохнул. Потом ещё раз.

– Ладно, – сказал я, чувствуя, как дрожат руки. – Ладно. Ты пришелец. Кошка с Альфы Центавра. Хорошо.

Я засмеялся. Истерически так, на грани. Взрослый мужик, бывший семьянин, рабочий с завода, сидит в трусах на кровати и разговаривает с инопланетной кошкой. Если бы кто-то увидел – закрыли бы в психушке в ту же секунду.

– И чего тебе от меня надо? – спросил я, когда смех прошёл.

Она спрыгнула с подоконника. Подошла к кровати. Запрыгнула. Легла рядом, положила голову мне на руку. Замурлыкала.

И я почувствовал. Не словами, не образами, а просто – насквозь. Она не хотела ничего. Она просто не хотела быть одна. Так же, как и я.

У меня снова защемило в носу. Я погладил её, провёл рукой по спине, по хвосту. Она мурлыкала, и вибрация разливалась по моей руке, по всему телу, успокаивая.

– Ну и ладно, – сказал я. – Ну и чёрт с ним. Будешь моей кошкой. С Альфы Центавра или откуда там ещё.

Она подняла голову, посмотрела мне в глаза. В темноте они светились фиолетовым – спокойно, мягко. И мне показалось, что она улыбается.

Я уснул под её мурлыканье. И спал в ту ночь крепче, чем

за последние несколько лет.

Утром всё казалось обычным. Солнце светило в окно, за окном шумел город, соседи сверху топали ногами. Астра сидела на подоконнике и смотрела на улицу.

Я встал, сварил кофе, насыпал ей корма. Она спрыгнула, поела, потом подошла ко мне и потёрлась о ногу.

Я наклонился, погладил её.

– Значит, так, – сказал я. – Я не знаю, кто ты и откуда. Не знаю, что тебе нужно. Но ты мой кот теперь. Поняла? Мой.

Она посмотрела на меня. И мне показалось, что в её глазах мелькнуло что-то вроде улыбки.

Она мурлыкнула и запрыгнула ко мне на колени.

Я сидел, пил кофе, гладил её, и думал: «Может, это и есть счастье? Просто сидеть с кошкой на коленях и знать, что ты не один?»

Глава 2. Фиолетовые глаза

После той ночи я смотрел на Астру иначе.

Раньше я думал: кошка и кошка. Пусть странная, пусть молчаливая, но в целом – обычное животное. Теперь я знал, что это не так. Но что именно – я не знал. И это «не знал» сверлило голову.

Она не давала ответов. Та ночь, тот шёпот – «да» – могли мне присниться. Я уже не был уверен. Может, я так устал,

что мозг начал додумывать? Может, я хотел, чтобы она была чем-то особенным, потому что моя серая жизнь вдруг стала цветной?

Я пробовал поймать её на чём-то. Смотрел, следил. Она ела, спала, смотрела в окно. Ничего сверхъестественного. Обычная кошка.

Но иногда...

Иногда я ловил себя на мысли, что она знает больше, чем показывает. Что она чего-то ждёт. Или кого-то.

Мы жили.

Я ходил на работу, она ждала дома. Иногда, когда я задерживался, она сидела на подоконнике и смотрела в сторону остановки. Я видел её из окна автобуса – маленький серый комочек на фоне грязного стекла. И у меня внутри что-то тёплое разливалось.

Я привык к ней. Привык, что она спит у меня в ногах. Что по утрам она сидит на табуретке и смотрит, как я пью кофе. Привык к её молчанию. И почти перестал думать о том, что она не простая.

Почти.

Однажды я вернулся с работы и с порога понял: что-то не так.

Я точно закрывал дверь в спальню. Уходя, я всегда закрываю – там окно выходит на ветреную сторону, и если оставить открытой, то по квартире гуляет сквозняк. Но сейчас дверь была приоткрыта. Сантиметров на десять.

Я заглянул внутрь. Всё на месте. Ничего не пропало, ничего не тронuto. Но на столе – на чистом листе бумаги, где я вчера записывал телефон мастера по стиралке – был отпечаток лапы. Мокрый. Чёткий, как на снегу.

Я обернулся. Астра сидела на подоконнике в зале и смотрела в окно. Спиной ко мне.

– Ты там была? – спросил я.

Она не обернулась.

Я подошёл к столу, потрогал отпечаток. Лапа маленькая, аккуратная. Её. Я посмотрел на её лапы – сухие, чистые. Откуда мокрый?

Я постоял, глядя на неё. Она не двигалась.

– Астра.

Ничего.

Я вышел из спальни, закрыл дверь. Прошёл на кухню, налил чай. Сел. Она по-прежнему сидела на подоконнике, и я видел её силуэт в проёме.

Что она там делала? Зачем открывала дверь? И откуда вода на лапах, если в спальне даже стакана с водой нет?

Я отогнал мысли. Наверное, я просто забыл закрыть дверь. А отпечаток – старый, я просто не заметил его раньше. А вода? Ну, мало ли. Может, наступила в миску перед этим.

Логично. Всё логично.

Только внутри что-то не отпускало.

Через пару дней я проснулся ночью.

Я не знаю, от чего. Просто открыл глаза и понял, что чего-то не хватает. Прислушался. Тишина. Только часы на кухне тикают.

И тут я понял. Астры не было.

Обычно она спала у меня в ногах или на подушке рядом. Но сейчас я нащупал ногой пустое одеяло. Я сел. В комнате темно, только свет из окна.

– Астра?

Тихо.

Я встал, прошёл на кухню. Пусто. В прихожую – пусто. Туалет, ванна – нигде.

Остался только балкон.

Я подошёл к балконной двери. Стекло было холодным, я видел своё отражение. И за ним – её силуэт.

Она сидела на перилах.

У меня сердце ухнуло вниз. Балкон у меня старый, открытый, перила шатаются. Я сам на них не облакачиваюсь – страшно. А она сидела, смотрела в небо. Луна светила ей в спину, и шерсть казалась серебряной.

Я хотел открыть дверь, позвать её. Но не мог пошевелиться.

Не мог. Совсем.

Я стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу, и чувствовал, как тело не слушается. Руки висят, ноги не двигаются. Даже пальцем не пошевелить. Я хотел закричать – и не мог открыть рот.

А она сидела на перилах, и вокруг неё... воздух дрожал. Как над асфальтом в жару. Только сейчас был октябрь, холодно, никакой жары. И этот дрожащий воздух светился. Едва-едва, фиолетовым. Я видел это отчётливо.

Она сидела так, наверное, минуту. Может, две. Я не знаю. Время остановилось.

Потом она обернулась.

Посмотрела прямо на меня. Глаза горели – ярко, насыщенно, как два маленьких солнца. И в этом взгляде было что-то такое, отчего у меня внутри всё сжалось. Не страх. Что-то большее. Восторг. Ужас. Непонимание.

Она смотрела на меня, и мне казалось, что она видит меня насквозь. Все мои мысли, всю мою жизнь, все страхи, которые я прятал даже от себя.

А потом она моргнула.

Свет погас. Дрожь в воздухе исчезла. И я снова мог двигаться.

Я рванул дверь, выскочил на балкон. Холод обжёг лицо. Астра сидела на перилах, смотрела на меня. Обычная кошка. Никакого свечения, никакой дрожи. Только глаза – фиолетовые, спокойные.

– Слезай, – сказал я. Голос дрожал. – Немедленно слезай.

Она спрыгнула, потёрлась о мои ноги, зашла в комнату. Я закрыл балкон, запер на задвижку. Руки тряслись.

Я прошёл на кухню, налил воды. Выпил залпом. Астра сидела на табуретке, смотрела.

– Что это было? – спросил я.

Она моргнула.

– Я не сплю. Я не сплю, я это видел. Ты... ты светилась. Ты что, светилась?

Она отвернулась. Посмотрела в окно, на тёмное небо.

Я сел напротив. Смотрел на неё. Она сидела, прикрыв глаза, как будто ничего не случилось.

– Астра, – сказал я. – Пожалуйста. Я хочу понять.

Она не ответила.

Я просидел на кухне до утра. Она спала у меня на коленях. Я пил чай, смотрел, как за окном светлеет небо, и думал. Может, мне это показалось? Может, я проснулся и не до конца отошёл ото сна? Бывает же – сон наяву.

Но я помнил, как не мог пошевелиться. Помнил фиолетовый свет. Помнил её глаза.

Я не знал, что с этим делать.

Утром я решил, что схожу с ума.

Нормальные люди не видят светящихся кошек на балконе. Нормальные люди не разговаривают с животными, жи-

дая ответа. Нормальные люди живут обычной жизнью, а не сидят ночами на кухне с чашкой чая, глядя на кошку, которая прикидывается обычной.

Я оделся, собрался на работу. Астра сидела на подоконнике, смотрела на улицу. Я хотел пройти мимо, но остановился.

– Если я правда схожу с ума, – сказал я, – это не твоя вина. Наверное.

Она не обернулась.

Я закрыл дверь и пошёл на остановку.

День был тяжёлый. Станок сломался, мастер ругался, я надышался сваркой так, что в груди саднило. Но думал я не о работе. Всё время перед глазами стояла она – на перилах, в фиолетовом свечении. И то чувство, когда я не мог пошевелиться.

К вечеру я решил: надо что-то делать. Нельзя так жить, когда не понимаешь, что происходит в собственном доме.

Я зашёл в аптеку, купил успокоительное. Феназепам, старый добрый. Думал, приду домой, выпью таблетку, лягу спать, и всё пройдёт.

Но когда я открыл дверь, всё изменилось.

Астра встретила меня не у двери, как обычно. Она сидела на полу в коридоре, прямо посередине. И смотрела на меня. В её взгляде было что-то новое. Что-то, чего я раньше не видел.

Она ждала.

Я скинул кроссовки, прошёл в комнату. Она пошла за мной. Я сел на диван, она запрыгнула рядом.

– Что? – спросил я.

Она смотрела. Потом перевела взгляд на тумбочку. Там лежал старый блокнот, который я не открывал года три. Я храню в нём всякую ерунду – пароли от старых аккаунтов, телефоны, которые уже не работают, какие-то записи, сделанные на смене, когда было скучно.

– Что там? – спросил я.

Астра посмотрела на блокнот, потом на меня. Потом прыгнула с дивана и села рядом с тумбочкой.

Я взял блокнот. Пролистал. Счета, пароли, какой-то рецепт, записанный на обороте чека. И вдруг – на середине, на чистом листе, я увидел запись.

Я не помнил, чтобы писал это.

Почерк был мой. Крупный, нервный, карандашом. Но я не помнил.

Там было написано:

«Она придёт. Не бойся».

Я уставился на строчку. Под ней – дата. Три года назад. За три года до того, как я нашёл Астру у подъезда.

Руки задрожали.

– Что это? – спросил я. – Я это написал?

Астра сидела на полу, смотрела на меня. Спокойно.

– Я не помню этого. Совсем. Я не помню, чтобы писал это.

Она моргнула.

Я перечитал ещё раз. «Она придёт. Не бойся».

– Ты? – спросил я. – Это ты должна была прийти?

Астра подошла, запрыгнула ко мне на колени. Легла, замурлыкала. Я сидел, смотрел на свои старые записи и чувствовал, как внутри всё переворачивается.

Я не помнил, чтобы писал это. Но почерк был мой. Я знал свой почерк – кривой, торопливый, с буквой «д» как домик. Мой.

Как это могло оказаться здесь? И почему я ничего не помню?

Я закрыл блокнот, положил обратно. Астра мурлыкала, и её тепло разливалось по моим коленям, по всему телу. Но внутри было холодно.

– Кто ты? – спросил я шёпотом. – Кто ты на самом деле?

Она подняла голову, посмотрела мне в глаза. Фиолетовые глаза горели в полумраке комнаты.

Она не ответила.

Я гладил её, смотрел на тумбочку, где лежал блокнот с моей собственной запиской, которую я не помнил. И думал.

О том, что случилось на балконе. О том, как она смотрела на Альфу Центавра. О том, как она разбудила меня, когда пахло газом. О том, что она появилась из ниоткуда в моей квартире и не уходила.

И о том, что я, оказывается, ждал её. За три года до того, как она пришла. Я ждал и даже не помнил об этом.

– Ты поэтому пришла? – спросил я. – Потому что я тебя позвал?

Астра перестала мурлыкать. Посмотрела на меня. И на секунду мне показалось, что в её глазах мелькнуло что-то – удивление? признание? – но оно исчезло, прежде чем я успел понять.

Она положила голову мне на руку и закрыла глаза.

Я сидел, смотрел на неё, на блокнот, на свои руки. Вопросов было больше, чем ответов. Гораздо больше.

Кто она? Откуда? Что за свет был на балконе? Откуда взялась записка? Я ждал её – или это она что-то сделала с моей памятью?

Я не знал. И это «не знал» пугало больше всего.

Но одно я знал точно. Она была здесь. Со мной. И какая бы она ни была – обычная кошка, инопланетное существо, или просто плод моего больного воображения – я не хотел, чтобы она уходила.

Потому что без неё я снова останусь один. А с ней – даже если я схожу с ума – я не один.

Я погладил её, выключил свет.

– Ладно, – сказал я в темноту. – Разберёмся.

Она мурлыкнула. И я уснул.

Глава 3. Другой язык

После той ночи я перестал делать вид.

Раньше я говорил себе: «Показалось», «Устал», «Сон».

Теперь не мог. Свечение на балконе, записка в блокноте, которую я не помнил, – это было не показалось. Это было по-настоящему.

Я не знал, что это значит. Но знал, что Астри – не просто кошка.

Вопрос был в том, что теперь с этим делать.

Первые дни я ходил как в тумане. На работе отвлекался, чуть не прожёл деталь, мастер наорал. Дома я смотрел на Астри и ждал. Чего – не знал. Объяснений? Чуда? Что она снова засветится или заговорит?

Она вела себя как обычно. Ела, спала, смотрела в окно. Иногда подходила, терлась о ноги, запрыгивала на колени. Мурлыкала. И я гладил её, и внутри всё сжималось от нежности и страха одновременно.

Я пробовал с ней разговаривать. По-человечески.

– Ты меня слышишь?

Она смотрела.

– Ты понимаешь, что я говорю?

Моргала.

– Тогда ответь. Ну, хоть что-нибудь. Дай знак.

Она зевала. Отворачивалась. Я злился. Потом понимал, что злюсь на себя.

Она не обязана мне отвечать. Она вообще ничего мне не должна. Она пришла сама, осталась сама. Может, у неё свои

причины не говорить.

Но я хотел понять.

Как-то вечером я сидел на диване, листал телефон. Астрида спала рядом. Я наткнулся на видео – какое-то животное, похожее на кошку, издавало странные звуки. Не мяуканье, а что-то среднее между щебетом и мурлыканьем.

Я послушал, усмехнулся. Потом посмотрел на Астриду. Она открыла один глаз, посмотрела на телефон, потом на меня. Закрыла глаз.

И тут меня осенило.

Я выключил телефон, сел поудобнее. Посмотрел на неё. Она спала.

– Астрида, – сказал я тихо.

Она не шевельнулась.

– Я хочу попробовать кое-что.

Я закрыл глаза. Сосредоточился. Я не знал, как это делается. Я просто представил себе – что я хочу ей сказать. Не словами. Картинкой.

Я представил свою ладонь. Представил, что глажу её. Представил тепло, которое чувствую, когда она рядом.

Я не знал, сколько я так сидел. Минуту. Пять.

А потом я почувствовал, что она проснулась. Открыл глаза – она смотрела на меня. Не как обычно. Внимательно, пристально. Как будто ждала продолжения.

У меня сердце забилося быстрее.

Я снова закрыл глаза. На этот раз я представил не тепло, а вопрос. Я представил знак вопроса. Большой, яркий. И направил его к ней.

Я не знаю, как это описать. Я просто сидел и *думал* этот вопрос в её сторону. «Кто ты?»

Тишина.

Я открыл глаза. Она смотрела. И в её взгляде я прочитал: *«Продолжай»*.

Я не понял, как я это прочитал. Но понял точно.

Я закрыл глаза. Снова. Я не знал, что спросить. Вопросов было слишком много. Я выбрал один. Самый простой.

«Тебе здесь хорошо?»

Секунда. Другая.

И я почувствовал ответ.

Не словами. Не голосом. Просто – чувство. Тёплое, ровное, как солнечный свет. Покой. Уют.

Да. Ей здесь хорошо.

У меня перехватило дыхание. Я открыл глаза. Астра сидела на диване, смотрела на меня. И мне показалось, что она улыбается.

– Ты... ты ответила? – спросил я вслух.

Она моргнула.

– Это была ты?

Она запрыгнула ко мне на колени, свернулась, замурлыкала.

Я сидел, гладил её, и внутри всё дрожало. Она ответила. По-настоящему ответила. Не светом, не знаками, а – чувством. Мы общались.

Я закрыл глаза и снова сосредоточился. На этот раз я послал ей не вопрос. Я послал ей то, что чувствовал сам. Благодарность. Тепло. И – страх. Страх, что она уйдёт.

Она подняла голову, лизнула меня в щеку. Шершавым языком, по-кошачьи. И я почувствовал ответ. Короткий, ясный.

«Не уйду».

После того вечера всё изменилось.

Мы не говорили словами. Мы говорили чувствами. Я не всегда понимал её, она не всегда понимала меня. Но мы пробовали. И это было важнее любых слов.

Я научился различать её ответы. Тепло – значит «да». Холодок внутри – «нет». Тяжесть в груди – «мне страшно» или «я тревожусь». Лёгкость – «хорошо», «спокойно».

Это было странно. Это было непривычно. Но это работало.

Я пробовал спрашивать её про прошлое. Откуда она? Сколько ей лет? Были ли у неё другие хозяева?

В ответ – пустота. Не холод, не тепло. Просто – ничего. Как будто она не хотела отвечать. Или не могла.

Я не настаивал.

Через несколько дней я вернулся с работы и застал её на кухне. Она сидела на столе. Прямо на столе, где я ем. Я было рассердился, но она смотрела на меня так, что я забыл про всё.

– Что?

Она перевела взгляд на дверь. Потом на меня. Потом снова на дверь.

– Выйти хочешь?

Она моргнула. Я открыл дверь на лестничную клетку. Она вышла, села на коврик. Посмотрела на меня.

Я стоял, ждал. Она не двигалась.

– Ну?

Она смотрела. И вдруг я понял. Она не хотела гулять. Она хотела, чтобы я вышел с ней.

– Погулять? – переспросил я.

Она встала, сделала несколько шагов к лестнице. Остановилась, обернулась.

Я никогда не выгуливал кошку. Кто выгуливает кошек? Но я надел куртку, закрыл дверь. Мы спустились на первый этаж. Я открыл дверь подъезда.

Астра вышла на улицу.

Она не побежала, не шарахнулась от машин. Она села на крыльце и посмотрела на небо.

Был вечер. Уже темнело. Первые звёзды появлялись на

небе.

Я сел рядом на корточки. Посмотрел туда же, куда она.

– Скучаешь? – спросил я тихо.

Она не ответила. Но я почувствовал. Тяжесть в груди. Не мою – её. Тоску. Огромную, как небо над головой.

– Мне жаль, – сказал я. – Что ты здесь одна.

Она повернула голову, посмотрела на меня. И тяжесть ушла. Вместо неё пришло что-то другое. Тёплое. Благодарное.

Она ткнулась носом в мою щеку. Я погладил её.

Мы сидели так минут десять. Потом она встала, потрусила к подъезду. Я открыл дверь, мы поднялись домой.

С тех пор мы гуляли каждый вечер.

Это стало нашим ритуалом.

Я приходил с работы, переодевался, и мы выходили. Она сидела на крыльце, смотрела на небо. Я сидел рядом, курил, смотрел на звёзды.

Я никогда раньше не смотрел на звёзды. В городе их плохо видно, да и некогда. А теперь я смотрел. И думал.

О том, каково это – быть так далеко от дома. О том, что она, наверное, видела другие звёзды, другие миры. О том, почему она выбрала меня.

Вопросов по-прежнему было больше, чем ответов. Но я перестал бояться вопросов. Я понял, что ответы придут са-

ми. Когда будут нужны.

Однажды вечером, когда мы сидели на крыльце, к нам подошёл сосед.

– О, у тебя кошка появилась, – сказал он. – А я смотрю, ты всё с ней сидишь.

– Да, – сказал я. – Подобрал.

– Красивая, – сказал он, наклонился, чтобы погладить её.

Астра отшатнулась. Зашипела. Я никогда не слышал, чтобы она шипела.

– Извини, – сказал сосед, отступив. – Дикая какая-то.

– Она просто не любит чужих, – сказал я.

Сосед ушёл. Астра смотрела ему вслед. В её глазах я увидел не злость. Настороженность. И – что-то ещё. Страх.

– Ты чего? – спросил я.

Она посмотрела на меня. И я почувствовал: *«Не доверяй им»*.

– Кому? – спросил я вслух.

Она отвернулась. Посмотрела на небо.

Я не понял. Но запомнил.

Дома я долго сидел на кухне, смотрел на неё. Она спала на диване, свернувшись клубочком. Обычная кошка.

Но я знал, что это не так.

Я достал блокнот, открыл страницу с той записью. «Она придёт. Не бойся». Три года. Я ждал её три года и не помнил

об этом.

Почему? Что случилось три года назад? Почему я ничего не помню?

Я попытался вспомнить. Три года назад — я ещё жил с Наташкой. Мы ссорились, мирились, разводились. Всё как у всех. Ничего особенного.

Но может, было что-то? Что-то, что я забыл?

Я закрыл блокнот. Посмотрел на Астру. Она спала.

— Ты знаешь, что случилось? — спросил я шёпотом.

Она не ответила. Но мне показалось, что во сне она вздохнула. Глубоко, по-человечески.

Я лёг, выключил свет. Долго не спал. Слушал, как она дышит. Смотрел в потолок. Думал.

О том, что она боится чужих. О том, что мы гуляем каждый вечер и смотрим на звёзды. О том, что она ответила мне. По-настоящему ответила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.